

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S. Человеческий улей

S-T-I-K-S. Человек с котом

S-T-I-K-S. Цвет её глаз

S-T-I-K-S. Территория везучих

S-T-I-K-S. Шесть дней свободы

S-T-I-K-S. Двойник

S-T-I-K-S. Игра в кошки мышки

S-T-I-K-S. Внешник

S-T-I-K-S. Вальтер

S-T-I-K-S. Существование

S-T-I-K-S. Трейсер

S-T-I-K-S. Закон и порядок

**Юрий УЛЕНГОВ
Наиль ВЫБОРНОВ**

S-T-I-K-S
ЗАКОН И ПОРЯДОК

**МОСКВА
2019**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У47

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *И. Хивренко*

Уленгов, Юрий Александрович.

У47 S-T-I-K-S. Закон и порядок / Юрий Уленгов, Наиль Выборнов. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-105797-8

Закон и порядок... остались в другой реальности. Отправляясь в ссылку из сытой Москвы, старший оперуполномоченный Оганезов считал, что самое страшное, с чем ему предстоит столкнуться в провинциальном РУВД, — паленая водка и смертная скука.

На деле, выехав на бытовое убийство, опер «приехал» в другой мир. В котором участковый с понятиями могут жрать труп жертвы преступления, а папа-генерал и священная «красная корочка» не могут предоставить ни защиты, ни преимущества.

Сможет ли столичный мажор выжить и найти свое место в этом мире, больше похожем на ночной кошмар? Придется постараться. Но для начала нужно поверить, что все это не игра большого воображения.

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Уленгов Ю.А., Выборнов Н.Э., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105797-8

Глава 1

Мотор древнего «бобика» натужно хрипел, под капотом что-то нехорошо стучало. И проблема явно была не в пропущенном техобслуживании или кривых руках механиков: в гараже при районной управе работал мастер с золотыми руками. Просто, сколько ни перебирай выпущенные чертову тучу лет назад движки, сколько ни меняй расходники, ресурс уже вышел. А на закупку новых машин денег не выделяли и не собирались. Это не родное отделение с «А-шестыми», увы. Впрочем, «А-шесть» по такому дерьму и не проедет.

Водитель повернул руль, съезжая с хоть и разбитой, но все же асфальтовой дороги на грунтовку, и я чуть не улетел головой в потолок. Выматерившись сквозь зубы, я дотянулся до ремня безопасности и пристегнулся в надежде, что это хоть немного уменьшит тряску. Рессоры скрипели, «уазик» бросало из стороны в сторону, и я почувствовал совсем не характерную для себя тошноту. Растрясло, укачало, блин.

Еще и с улицы какой-то кислотинной тянет. Наверное, очередной выброс с целлюлозоперерабатывающего комбината, который снабжал страну промышленным картоном, а воздух в городке — ароматами

отходов. Как тут люди живут? Не понимаю. А еще говорят, мол, глубинка, природа, воздух свежий. Ага, свежий. Аж два раза. Московский смог и то приятнее.

Окно можно было и прикрыть, но сержант, сидевший за рулем, смолил одну сигарету за другой. Я к табаку пристраститься не сумел, но в милиции эта привычка повальная, найти некурящего очень сложно. И ничего не поделаться, «наша служба и опасна, и трудна». Особенно тут, в одном из райцентров Брянской области, вдалеке от столичного лоска. Место-то вроде тихое, но геморроя меньше все равно не становится: кражи, ограбления, пьяные драки... В столице преступления серьезнее встречаются, жестче, а здесь девяносто процентов — банальная бытовуха. Не видит народ просвета, вот и бухает. «Спьяну жизнь херово видно, даже легче жить» — как пел незабвенный. А там, где алкоголь, да еще и некачественный, — там и все сопутствующее. Жена не дала мужу похмелиться — он ей голову молотком проломил. Над трупом «чекушку» приговорил, полегчало — вызвал милицию. Два ко-реша сидели, бухали, пока один ходил к соседу сигарету стрелять, второй бутылку допил, ему не оставил. Двенадцать ножевых. Алкаш залез к соседу за тазиком алюминиевым, на бутылку сивухи не хватало, тот его застучал. Стыдить начал, мол, как так жить можно, тот и устыдился. До такой степени, что насмерть соседа забил, неприятно, видать, стало нотацию слушать. Мрак, в общем.

Я уже почти решил закрыть раздвижную форточку, когда сержант закурил очередную сигарету. Жесть какая, сколько можно? Я уныло вздохнул и уставился в окно, но и тут ждала засада: снаружи все заволокло

густым туманом, сквозь который не было видно ровным счетом ничего. Даже свет мощных фар «УАЗа» бесильно гас уже в каком-то десятке метров от машины.

— Чего-то мне хреново, — проговорил водитель, сбрасывая скорость до тридцати.

Трясти стало меньше, но то, что время, которое потребуется на остаток пути, увеличилось как минимум вдвое, раздражало.

— Так курить надо меньше, — ответил я, бросил взгляд на сержанта. Что-то он и впрямь выглядел сильно так себе, аж позеленел. Видимо, действительно хреново. — Ты что, бухал вчера?

— А что, заметно? — поморщился он.

— Только слепой не увидит, — кивнул я.

— Да, брат из рейса вернулся, — ответил он, вывернул руль. — Опять фонари не работают, что ли...

Дорога стала совсем никакой, но на черепашьей скорости это не особо беспокоило. Зато водитель от последствий вчерашних возлияний, похоже, совсем поплыл. Он, в отличие от меня, был из местных и хотя бы примерно знал, что и где находится, но сейчас то ли из-за плотного тумана, то ли не из-за менее плотной пелены в голове потерял ориентацию.

— Черт, я не помню этих домов, — проговорил он. — Хрень какая-то.

Я поморщился, но ничего не ответил. Больше, чем местные обычаи, меня выводил из себя только брянский выговор — быстрый, неразборчивый и с уродливым, коверкающим язык «гыканьем». Ответить сержанту — значит спровоцировать сержанта на дальнейшие словоизлияния, а это последнее, что мне сейчас хотелось бы слушать.

Я достал из кармана телефон, чтобы хоть немного отвлечься, и увидел, что сети нет, даже 2G. Связь здесь вообще работала как-то странно и непонятно для меня, привыкшего к стабильному московскому LTE. Сеть то пропадала, то появлялась, иногда российские операторы не работали, зато прекрасно ловились белорусские. Та еще аномалия.

Решив, что пялиться в телефон нет смысла, я уставился в окно, за которым сквозь плотную пелену тумана стало видно так и не успевшую стать привычной за полгода картину: полуразваленные дома, сараи и другие постройки непонятного назначения, покосившиеся ворота. Кое-где в окнах мелькали огни свечей: похоже не работало не только уличное освещение, но и в домах пропал свет.

— Слушай, ты быстрее бы ехал, а, — попросил я. — Мне «висяк» в коллекцию не нужен, я в местном РУВД всю жизнь сидеть не собираюсь.

— Да нормально все будет. — Сержант поморщился и помотал головой. — Сто процентов, бытовуха. Пили, поссорились, один другому башку утюгом раскроил и домой ушел отсыпаться. Сейчас найдем его, пока в невменозе, погрузим в «бобик», завтра проспится, в штаны нагадит и будет чистосердечное писать.

Так и сказал «нагадит». Но стоило признать, что он был прав, скорее всего ситуация действительно не особо сложная. Да и участковый, судя по голосу, не волновался, значит, там не жесткий криминал, а бытовое убийство. Но вроде от города до села километров пять, а потом по самой деревне минут пять, а едем уже минут двадцать.

— Ты куда нас завез, Сусанин? — спросил я, понимая, что дорога как-то странно затянулась.

— Да хрен его знает, — пожал плечами сержант, помотал головой и резко остановил машину так, что ремень больно впился мне в грудь. — Туман этот все, блин. Чего-то мне совсем нехорошо...

Я снова вытащил из кармана смартфон, включил навигатор, но GPS отказывался находить наше местоположение. Ладно хоть офлайн-карта работала, нужно было выйти, посмотреть улицу и номер какого-нибудь из ближайших домов, может быть, спросить дорогу у аборигенов, если таковые попадутся на глаза.

— Подожди меня тут, — сказал я, освобождаясь от ремня, открыл дверь и прыгнул на землю.

«Тиха украинская ночь». Местную ночь, конечно, нельзя было полноправно назвать украинской, но родина Тараса была совсем рядом. А вот про тишину — правда: я не слышал ни звуков фур, проезжающих по проходящей совсем недалеко трассе, ни голосов. И даже животные как-то притихли.

Туман будто стал еще плотнее, казалось, можно протянуть руку и пощупать мягкое облако. Чтобы разглядеть номер дома, пришлось включить вспышку на телефоне и подойти вплотную к забору, стоявшему на страже частной жизни жителей села. Быстро отыскав номер и название улицы на карте, я развернулся и крикнул:

— Слышь, а ты в курсе, что нам вообще в другой конец села?

Сержант не ответил, он оказался слишком занят тем, что блевал. Встал, нагнувшись и упершись руками в колени, и стал извергать из себя содержимое желудка вперемешку с какой-то слизью. Похоже, парню

было совсем хреново, а мне оставалось только стоять в стороне, не зная, как помочь. Да и не особо я горел желанием лезть, если честно.

Похоже, напитки, которыми они вчера праздновали возвращение брата-дальнобойщика, оказались совсем плохого качества. Я вообще предпочитал не пить ничего, купленного в местных супермаркетах, опасаясь нарваться на контрафакт и ослепнуть от отравления метанолом. Насколько мне рассказывали знакомые, практически весь элитный алкоголь в провинции — подделки различного качества. Что уж говорить про дешевое бухло?

— Вот тебе и дедовский самогон, — пробормотал сержант, подтвердив мою догадку, наклонился и испустил очередную тугую струю. Прислонился к борту машины спиной, вытер губы тыльной стороной ладони и сплюнул. — Больше не пью.

— Что-то тебе совсем плохо, — кивнул я. — Сходил бы проверился, УЗИ печени сделал, кровь сдал. Может, врач назначит хоть что-то.

— Знаю я этих врачей. — Он помотал головой, но тут же схватился за нее руками, будто боялся, что отвалится.

— Слушай, иди-ка ты в салон, я сяду за руль. Вроде нашел на карте нужный дом, доедем как-нибудь.

— Ты прав, наверное, — кивнул он, снова поморщился, очевидно, от накотившего приступа тошноты. — Черт, сейчас опять блевану.

— Только не в машине, — предупредил я его. — Можешь, конечно, в «стакан» залезть, там металл везде да коврик резиновый. Особо не напачкаешь. Но лучше потерпи.

— Еще в «стакане» не ездил, — поморщившись, ответил он, сплюнул и двинулся к пассажирской дверце.

Я потянул на себя ручку, забрался на водительское сиденье и захлопнул дверь. Дождался, пока сержант устроится, повернул ключ, заставив двигатель недовольно заворчать, вынул из кармана смартфон и прикинул примерно, куда ехать. Построив у себя в голове маршрут, медленно тронул «бобик».

Местные дороги оказались хитрее, чем я ожидал. Мы проехали всего полторы сотни метров, и грунтовку пересекла еще одна дорога, которой на карте не было. Выругавшись, я продолжил гнать «УАЗ» вперед, пока не добрался до приметного ориентира — здания котельной, которое стояло вплотную к нужному перекрестку.

Я вывернул руль, проехал еще чуть-чуть вперед и снова повернул, заезжая на асфальтированную дорогу. Это был кратчайший путь до противоположного конца села, куда нам и было надо.

В свете фар мелькнула собака, которая быстро перебежала дорогу и исчезла в зарослях на противоположной стороне, отправившись по своим делам. Еще через сто метров мы встретились с более продвинутым представителем местной фауны.

У края дороги, подняв руку, стоял один из аборигенов — здоровый мордатый мужик в ватной куртке. Пришлось притормозить, но глушить двигатель я не стал: мало ли чего он может выкинуть? Тем более что местный житель оказался изрядно пьян: он пошатывался и периодически бормотал какую-то непонятную околесицу с изрядной долей матерщины.

— Слышь, — изрек он, с трудом сфокусировав на мне взгляд своих мутных глаз. — Вы городские, что ли? А чего свет вырубили?

— Понятия не имею, дядь, — ответил я. — Ты бы шел домой, проспался, а нам по делам ехать надо.

— А че за дела? — не понял он.

— Тебя это не касается. — Разговаривать с ним у меня не было никакого желания, тем более что уже казалось, что от смеси запахов тяжелого водочного перегара и странного кислого тумана меня самого вот-вот стошнит. — Когда касаться начнет, уже за тобой приедем, понял? Свободен.

— Ладно, ладно. — Толстяк, похоже, понял, что я не намерен вести диалог, и решил отвалить.

Он обошел машину, цепляясь рукой за капот, чем заставил меня недовольно скрипнуть зубами, и пошел в том же направлении, куда только что скрылась собака, но запутался в собственных конечностях и свалился в кусты, огласив улицу несколькими нецензурными выражениями.

Я побоялся, что мой напарник сейчас потребует, чтобы мы пошли и немедленно спасли алкаша, но сержант опустил голову на грудь и, похоже, заснул, даже не заметив произошедшего. Оставалось только вновь тронуть машину.

Минут через десять я добрался до места назначения. Может быть, приехал бы раньше, но, к своему стыду, заблудился в трех соснах и проехал мимо нужного здания. Пришлось делать крюк, потом выходить, снова отыскивать на ближайшем строении табличку с указанием улицы и номера дома.

Я остановил «УАЗ» на дороге, не рискнув заезжать на импровизированные мостки, представлявшие собой железные ворота, брошенные поверх нескольких толстых бревен, заглушил двигатель и растолкал сержанта. Того, похоже, совсем разморило, а от сна в движущейся машине он совсем одурел. Но послушался, вылез из тачки, зачем-то прихватив свою «ксюху», будто кто-то мог на нас напасть, и встал, прислонившись спиной к двери «УАЗа».

Окраина села вообще представляла собой жалкое зрелище. Три или четыре дома вокруг заброшены, один вообще развалился, кое-где покосились заборы, а участки заросли полынью, крапивой и сорной коноплей. Дом, который был нам нужен, и сам выглядел как заброшенный, но у него хотя бы была целая крыша. Значит, хозяин хотя бы топил печь, а балки и стропила не прогнили насквозь от сырости.

Участковый нас встречать не вышел, хотя звук движка «бобика» был наверняка прекрасно слышен в хлипком строении. Я решил не дожидаться приглашения, открыл ворота и вошел в неухоженный и заросший крапивой двор. Мои ожидания оправдались: похоже, что дом действительно принадлежал какому-то местному ханурику. Крыша сарая провалилась внутрь, возле собачьей будки валялся ошейник на цепи, проходима была только небольшая тропинка, ведущая к крыльцу. Нормальный человек так жить не станет.

Я двинулся в сторону входа, стараясь избегать колючих листьев. Под подошвой хрустнули осколки бутылки, и я выругался: туфли стоили три сотни баксов, не хватало только пропороть подошву. Уверен, адек-

ватной замены не купить не только в дыре, куда меня сослали, но и в самом Брянске.

Встал, прислонившись к стене, проверил подошву — все оказалось в порядке. Слава богу. Двинулся дальше, стараясь смотреть, куда наступаю, но все-таки умудрился обжечь ладонь о торчащий стебель крапивы, поморщился и почувствовал всплеск раздражения. Мысленно проклял и этот город, и аборигенов, которые ничего, кроме дешевого алкоголя и поиска денег на него, не знают, и ублюдков, которые везде ходят с камерами и снимают что ни попадя и себя-дегенерата.

К крыльцу вела покосившаяся лесенка из прогнившего дерева. Следы краски, даже если она здесь и была, давно стерлись, всюду росли плесень и лишайники.

Каждую секунду ожидая, что ступени проломаются под моим весом, я поднялся вверх, толкнул входную дверь и вошел в помещение, из которого потянуло запахом застарелой мочи, водочного перегара и почему-то железа.

— Эй, есть тут кто? — спросил я.

Ответа не было. Я прислушался, но не услышал ничего подозрительного, поэтому двинулся дальше. Прошел мимо кухни, заваленной пустой стеклотарой, похоже подготовленной к сдаче, чуть не споткнулся о валяющийся на полу разбитый старинный торшер и толкнул дверь, ведущую в следующее помещение.

Это был зал. Такой вывод я сделал по продавленному дивану с разорванной во многих местах коричневой обивкой, и пузатому телевизору. На полу кто-то копошился. Я опустил взгляд и присмотрелся. Зря.

Стоило мне разглядеть, что именно там происходит, как в желудке все перевернулось, а недавно съе-

денный ужин стал подниматься вверх. Правда, блевануть организму не позволил мозг, не поверивший в увиденное и лихорадочно пытающийся отыскать причину галлюцинаций.

На полу жрали мужика. С азартом и упоением, с аппетитом, давясь и размазывая по лицам кровь впере мешку с желчью и дерьмом из вывалившихся наружу потрохов. Мозг отказался оценивать происходящее и перешел в режим наблюдения, бесстрастно фиксируя увиденное.

Жрущих было трое: мужик в милицейской форме, наверное, тот самый участковый, что должен был нас встречать, и две женщины — должно быть, понятые. Ну а жрали они, действуя методом исключения, жертву преступления. Что, мать его, здесь происходит вообще? Мне местные с первого дня малость двинутыми кажутся, но не до такой же степени!

Милиционер внезапно оторвался от своего занятия, поднял голову и посмотрел на меня. Сердце сделало кульбит и бешено заколотилось где-то в области горла, меня бросило в жар, и я почувствовал, как между лопаток ползет струйка липкого пота. Черт, у нормального человека такого взгляда быть не может!

Если до этого я думал, что здесь имеет место пусть и необычное, но помешательство, или в селе действует какой-нибудь древний культ каннибалов, то, заглянув в глаза участковому, я понял, что обе мои теории несостоятельны. ТАК смотреть живой человек не может. Тогда что это? Апокалипсис? Страшный суд? Мертвые поднялись, чтоб питаться от живых? Но ведь мертвый мужик ведет себя так, как труп и положено — лежит и не двигается. Безумие какое-то.